

Вѣще сны.

(Опытъ научной экскурсіи въ область таинственнаго¹⁾).

Проф. Н. М. Попова.

Мм. Г-ни и Г-ри!

Велики успѣхи, какіе дѣлаетъ современный человѣкъ во всѣхъ отрасляхъ теоретическаго и практическаго знанія! Каждое десятилѣтіе, почти каждый годъ приносить намъ новыя открытія; передъ нами развертываются новые горизонты о существованіи которыхъ мы ранѣе и не подозревали; намъ покорно подчиняются могучія силы природы, становясь послушнымъ орудіемъ въ нашихъ слабыхъ рукахъ. И даже самая пылкая фантазія теперь не въ состояніи представить себѣ предѣла, до котораго мы дойдемъ....

Но каковы бы ни были завоеванія человѣческаго генія — одна область остается для него и понынѣ также мало доступной, какъ въ эпоху первобытныхъ дикарей, эта область — будущее, судьба, которая насъ ожидаетъ. А между тѣмъ она то и полна для насъ захватывающаго интереса. Кому не случалось задавать себѣ вопроса: что-то случится со мною, увѣнчается ли успѣхомъ моя дѣятельность, что будетъ съ моими близкими? На эти и подобные имъ вопросы точная наука до сихъ поръ не даетъ никакого матеріала для отвѣта.

¹⁾ Публичная лекція, прочитанная 6 мая 1908 г. въ пользу недостаточныхъ слушательницъ Одесскихъ Высшихъ Женскихъ Курсовъ.

Отсюда стремленіе разрѣшить загадку и не обращаясь къ ея помощи, стремленіе упорно замѣчаемое во всѣ времена и у всѣхъ народовъ. Способы, какими люди пытались предподнять хоть край завѣсы, которая скрывала ихъ судьбу, крайне разнообразны. Они всецѣло зависѣли отъ высоты умственнаго горизонта человѣка, съ одной стороны, отъ индивидуальныхъ особенностей его—съ другой. Нѣкоторые изъ нихъ существовали короткое время, быстро смѣняясь новыми, другіе пустили болѣе прочныя корни и, какъ въ древности, такъ и теперь, отличаются поразительной популярностью. Среди послѣднихъ прежде всего слѣдуетъ назвать вѣру въ пророческія сновидѣнія.

Исторія учитъ, что уже въ глубокой древности вѣра въ вѣщее значеніе сновъ пользовалась замѣчательною распространенностью. Въ старинныхъ памятникахъ письменности мы встрѣчаемъ указанія, что у царей и правителей нерѣдко имѣлся особый штатъ лицъ, обязанностью которыхъ было истолковывать сны ихъ повелителей. Эти лица избирались изъ самыхъ ученыхъ и умныхъ людей: своими объясненіями они иногда оказывали глубокое вліяніе на крупныя историческія событія. Съ тѣхъ поръ прошло много вѣковъ. Весь общественный строй измѣнился до неузнаваемости, но въ данномъ отношеніи рѣзкой перемѣны не произошло.

Правда теперь нѣтъ особаго сословія снотолкователей но мѣсто ихъ съ успѣхомъ заняли лица, умудренныя жизненнымъ опытомъ, и къ нимъ то обращаются за разьясненіями своихъ сновъ не только люди темные, малообразованные, но и интеллигентные.

Извѣстны примѣры, что ихъ посѣщали даже лица съ обширнымъ образованіемъ, люди создавшіе себѣ имя въ наукѣ. Да и трудно, вѣжета, найти такого скептика, который бы хоть разъ въ жизни не остановился съ тревожнымъ любопытствомъ передъ какимъ либо особенно осмысленнымъ и яркимъ сновидѣніемъ: на столько прочно укоренилась вѣра въ проро-

ческое значеніе сновъ. И это несмотря на многочисленныя протесты со стороны философовъ и дѣятелей науки, раздающіеся еще со времени сѣдой старины. Еще *Диогенъ*, циникъ со свойственной ему прямолинейностью говорилъ: „Когда я смотрю на правителей, врачей, философовъ, мнѣ кажется, что человѣкъ есть самое мудрое изъ всѣхъ существъ; когда же я вижу снотолкователей, предсказателей и тѣхъ, которые имъ вѣрятъ, я расположенъ думать, что нѣтъ существа глупѣе человѣка“. Съ тѣхъ поръ подобныя взгляды много разъ повторялись въ литературѣ, но они не могли поколебать однажды установленнаго убѣжденія.

Не были въ состояніи ослабить его также и многочисленныя примѣры изъ обыденной жизни, доказывавшіе, что профессиональными снотолкователями чаще всего являются хитрые обманщики любители легкой наживы. Передъ фактомъ такой незыблимой прочности невольно стоитъ призадуматься. Невольно спрашиваешь себя, чѣмъ же объясняется столь глубокое убѣжденіе, на чемъ оно основывается, что сонъ иногда дѣйствительно является вѣщимъ?

Одно изъ основныхъ положеній научнаго метода мышленія требуетъ, чтобы, прежде чѣмъ обсуждать какое-либо явленіе, оно было точно констатировано. Слѣдуя такому правилу, мы должны вначалѣ поставить себѣ вопросъ: существуютъ ли наблюденія, которыя бы съ положительностью доказывали, что сны могутъ обладать пророческимъ значеніемъ?

Какъ литература, такъ и личный опытъ легко убѣждаютъ každого, что чаще всего снамъ приписывается значеніе аллегоріи, символа. Но само собою понятно, что для научнаго анализа въ данномъ случаѣ подобныя сны никакого значенія имѣть не могутъ: все дѣло здѣсь сводится на пылкую фантазію, на остроуміе, на крайній индивидуализмъ. Такимъ образомъ фактической матеріалъ, надъ которымъ намъ приходится оперировать, значительно служивается: для насъ цѣнны лишь тѣ сны, которые ясно и опредѣленно предсказываютъ

грядущее событіе. Но и къ подобнымъ наблюденіямъ необходимо отнести съ большой осторожностью. Трудно сомнѣваться, что значительное количество ихъ создается уже *post factum*. Человѣкъ въ ожиданіи какого-либо важнаго для себя происшествія волнуется, спитъ тревожно; его преслѣдуютъ безпокойныя сновидѣнія, вращающіяся около предполагаемаго факта.

И вотъ, когда фактъ уже совершился человѣкъ припоминаетъ себѣ эти сны, поражается извѣстной аналогіей, воображеніе добавляетъ отсутствующіе детали и пророческій сонъ готовъ; таковой онъ свято хранится и въ потомствѣ. Для научнаго изслѣдованія важны лишь тѣ сновидѣнія, которыя имѣло извѣстное лицо событія, и которыми оно подѣлилось съ окружающими прежде, чѣмъ исполнился пророческій сонъ. Въ подобныхъ случаяхъ рассказъ видѣвшаго сонъ можетъ быть провѣренъ свидѣтельскими показаніями, которыя, какъ это само собою понятно должны принадлежать людямъ, заслуживающимъ полнаго довѣрія. Разъ мы формулируемъ такимъ образомъ свои требованія, нашъ клиническій матеріалъ сразу уменьшится и притомъ въ громадныхъ размѣрахъ. Передъ нами останутся факты, констатированные съ достаточной точностью. И такіе факты безспорно существуютъ. Съ такими фактами приходилось встрѣчаться мнѣ нѣсколько разъ, такіе факты знаетъ и научная литература. Приведу нѣкоторыя изъ нихъ. *Carpenter* рассказываетъ, что, когда генералъ *Слимэнъ* усмирялъ возстаніе Дзѣггивъ въ Индіи, его супруга, дѣлившая съ нимъ тяжесть похода, однажды утромъ сообщила своему мужу, что какіе-то мертвецы ее преслѣдовали всю ночь, и убѣдительно просила перенести ея палатку. Ея желаніе было немедленно исполнено; но въ тотъ же день генералъ получилъ свѣдѣнія, что тамъ, гдѣ располагался его лагерь, инсургенты зарыли много труповъ своихъ жертвъ. Начали разрывать землю и какъ разъ подъ тѣмъ мѣ-

стомъ, гдѣ прежде стояла палатка г-жи Слимэнъ, оказалось 14 тѣлъ.

Вотъ другой аналогичный примѣръ. Моя знакомая г-жа *К.*, происходящая изъ извѣстной въ научномъ мѣрѣ семьи, сама высокообразованная и богато одаренная отъ природы, сообщила мнѣ слѣдующее самонаблюденіе: страстная любительница коровъ, она очень желала имѣть теленка отъ какой-то породистой коровы, которая принадлежала ея пріятельницѣ и выразила послѣдней желаніе купить его. Но просьба ея была забыта и корову съ теленкомъ продали г. *П.*, также знакомому г-жи *К.*

Когда она узнала объ этомъ, была очень огорчена, хотя ее и старались утѣшить, что быть можетъ новый владѣлецъ не откажетъ въ ея просьбѣ. Вскорѣ послѣ этого она видитъ сонъ, что въ какомъ-то магазинѣ встрѣчается съ г. *П.*, обращается къ нему съ просьбой продать теленка, тотъ отвѣчаетъ, что за будущее не ручается, но теперь ему теленокъ нуженъ самому. Проснувшись, г-жа *К.* рассказала этотъ сонъ своимъ домашнимъ, а въ тотъ же день дѣйствительно встрѣтила въ магазинѣ г. *П.*, передала ему свой сонъ и затѣмъ выразила желаніе купить теленка, *П.* отвѣтилъ ей, какъ и во снѣ отказомъ выраженнымъ вдобавокъ въ такой же редакціи.

Приведу еще одинъ примѣръ.

Погодинъ въ своей книгѣ: „Простая рѣчь о мудрыхъ вещахъ“ рассказываетъ, что однажды *А. И. Кошелеву* нужно было поѣхать въ Петербургъ по очень важному тяжѣбному дѣлу. Такъ какъ ни было никакихъ основаній спѣшить, то *Кошелевъ* со дня на день откладывалъ свою поѣздку, а собравшись, наконецъ, въ путь, вначалѣ ѣхалъ очень медленно. На одной изъ станцій ночью онъ увидалъ во снѣ какого-то человѣка, который ему совѣтовалъ торопиться, такъ какъ дѣло будетъ разсматриваться гораздо ранѣе, чѣмъ предполагалось. Впечатлѣніе сна было настолько сильно, что *Кошелевъ*, проснувшись немедленно отправился далѣе и прибылъ

въ Петербургъ едва за нѣсколько часовъ до разбора дѣла которое безъ его личнаго присутствія было бы для него потерянo и Кошелевъ такимъ образомъ рисковалъ лишиться состоянія.

Я легко могъ бы увеличить число подобныхъ наблюденій, но и приведенныхъ уже достаточно, чтобы показать, что иногда между содержаніемъ сна и грядущими событіями въ самомъ дѣлѣ существуетъ весьма близкое сходство, которое далеко не всегда можно объяснить простой случайностью.

По крайней мѣрѣ противъ такого объясненія свидѣтельствовало бы полное совпаденіе сновъ съ дѣйствительными событіями; противъ него также говорилъ бы и тотъ фактъ, что въ жизни нѣкоторыхъ лицъ вѣще сны повторяются особенно часто.

Итакъ, мы пришли къ выводу, что между сновидѣніями и будущимъ челоука въ отдѣльныхъ случаяхъ можетъ наблюдаться какая-то тѣсная связь. Весьма естественно является вопросъ, какъ должно объяснять существованіе такой связи? Позволяетъ ли современное состояніе науки понять ее, не прибѣгая къ гипотезѣ о сверхестественныхъ вліяніяхъ, о таинственныхъ силахъ?

Ежедневный опытъ показываетъ, что въ нашемъ психическомъ органѣ одновременно и параллельно съ сознательной умственной работой всегда идетъ бессознательная. Каждому изъ Васъ, конечно, много разъ случалось тщетно вспоминать какой-нибудь забытый фактъ. Утомленные напрасными усиліями, Вы съ досадой переходили къ инымъ занятіямъ; и вотъ когда Ваше сознаніе было поглощено уже совершенно другимъ предметомъ, въ немъ неожиданно для Васъ выплывало искомое событіе. Изъ этого примѣра видно, что сознательная, умственная дѣятельность можетъ дать толчокъ бессознательной, а такъ-какъ результатъ послѣдней былъ таковой же, къ какому привела бы и работа сознательная, то отсюда ясно, что бессознательная душевная дѣятельность подчиняется точно тѣмъ

же законамъ, какъ и сознательная. Люди науки, люди отвлеченной мысли могутъ привести Вамъ наблюденія еще болѣе поразительныя. Извѣстны случаи, когда мыслитель долго и напрасно старался разрѣшить сложную научную проблему, оставлялъ ее, переходилъ къ другой работѣ и въ то время, какъ его умъ былъ поглощенъ всецѣло новой задачей, въ сознаниіи появлялось рѣшеніе мучившаго вопроса, которое по своей ясности и стройности удивляло самого наблюдателя. Несомнѣнно, что и въ данномъ случаѣ напряженная сознательная дѣятельность явилась толчкомъ къ дѣятельности бессознательной, которая и привела, наконецъ, къ желанному результату. Итакъ, въ бессознательной духовной жизни господствуютъ тѣ же законы, какимъ подчиняется сознательная. Здѣсь, въ этомъ фактѣ и находить себѣ объясненіе та громадная роль, какую бессознательная умственная дѣятельность играетъ въ нашей жизни. Свободная отъ контроля воли, она идетъ несравненно быстрѣе, чѣмъ дѣятельность сознательная. Если бы человѣкъ жилъ только сознательно, то, какъ вычислилъ одинъ фізіологъ, ему цѣлыхъ сутокъ было бы мало, чтобы утромъ одѣться, а вечеромъ раздѣться.

Всмотритесь, какъ учится ребенокъ ходить, какія громадныя волевыя усилія затрачиваетъ онъ на то, чтобы двигать нижними конечностями и въ то же время удерживать въ равновѣсіи туловище! Какъ медленны, какъ неловки всѣ его движенія, и какъ часто онъ падаетъ! Сравните съ этой картиной походку взрослого человѣка: идетъ онъ, не обращая никакого вниманія на свои движенія, а между тѣмъ движется быстро, легко, красиво. Посмотрите, какъ учится ребенокъ писать; какъ неловко онъ держитъ перо въ своей рукѣ! Онъ прилагаетъ всѣ свои старанія, работаетъ не только мышцами руки, но и лицомъ и всѣмъ туловищемъ, а въ результатѣ некрасивыя каракульки, едва напоминающія буквы! Выучился человѣкъ писать, и рука помимо всякаго контроля воли легко и быстро движется по бумагѣ, перо выводитъ стройныя, кра-

сивья бубвы. Все наше воспитаніе, все наше образованіе имѣть цѣлью главнымъ образомъ какъ можно болѣе работы, ежедневно выпадающей на долю человѣка, перевести изъ области сознанія въ область бессознательную. Особенно громадное значеніе бессознательная умственная дѣятельность играетъ въ жизни чувствъ. Симпатіи и антипатіи вначалѣ возникаютъ главнымъ образомъ въ области бессознательной. Встрѣчается Вы съ человѣкомъ въ первый разъ; Вы о немъ или ничего не знаете, или слышали только хорошее, а между тѣмъ оны сразу производятъ на Васъ непріятное, отталкивающее впечатлѣніе. Напрасно анализируете Вы свое чувство, напрасно стараетесь убѣдить себя въ томъ, что Вы не правы, антипатія крѣпнетъ и растетъ и только позднѣе, когда Вы ближе узнаете этого человѣка, Вы убѣждаетесь, что у него есть дѣйствительно дурныя стороны, которыя Вамъ крайне непріятны. Чѣмъ же объясняется первое впечатлѣніе, оказавшееся вѣрнымъ? Въ образованіи его играла роль только бессознательная умственная работа. Ваши органы внѣшнихъ чувствъ, Ваши зрѣніе, слухъ получали массу такихъ ничтожныхъ оттѣнковъ въ голосѣ, выраженіи лица, въ манерахъ Вашего собесѣдника, что эти оттѣнки, весьма важные для характера личности человѣка по своей незначительности не могли проникнуть въ сознаніе, а оставались ниже его горизонта, сливались между собою и обусловили чувство антипатіи. Изъ этого примѣра видна еще одна важная особенность бессознательной душевной дѣятельности: матеріаломъ для нея могутъ являться такія впечатлѣнія, которыя, благодаря своей блѣдности обычно не попадаютъ въ область сознанія!

Какъ я уже сказалъ выше, бессознательная психическая дѣятельность всегда идетъ рука объ руку съ дѣятельностью сознательной; но послѣдняя въ значительной степени подавляетъ ее. Несравненно большей интесивности она достигаетъ поэтому, когда сознательная жизнь превращается. А это именно какъ разъ имѣетъ мѣсто во время сна.

Въ теченіи дневного бодрствованія, занятый своей обычной работой, человекъ мало по малу утомляется; у него является потребность въ отдыхѣ, въ снѣ. Онъ ложится, принимаетъ наиболѣе удобную позу, по возможности устраняетъ источникъ внѣшнихъ раздраженій и закрываетъ глаза.

При этихъ условіяхъ въ извѣстной послѣдовательности мало по малу приостанавливаются свою функцію органы внѣшнихъ чувствъ; вмѣстѣ съ тѣмъ теряется сознание мѣста, времени, собственной личности,—человекъ засыпаетъ. Но умственная его дѣятельность не прекращается: она получаетъ лишь одну существенную особенность—начинаетъ происходить безъ контроля воли. Въ однихъ случаяхъ, особенно у лицъ крайне утомленныхъ напряженной интеллектуальной работой, умственная дѣятельность во снѣ продолжается въ томъ же направленіи, какъ и днемъ; а такъ какъ законы, которымъ она подчиняется, остаются одни и тѣ же, то неудивительно, что спящій можетъ придти къ совершенно правильнымъ выводамъ. *Кондорсе* рассказываетъ, что ему однажды приснились рѣшенія трудныхъ задачъ, которыя не смотря на всѣ усилія онъ не могъ получить днемъ. *Кондиллякъ*, работая надъ своими „Cours d'études“, очень часто во снѣ продолжалъ развивать и заканчивать мысль, оставленную только начатою днемъ. Нашъ извѣстный археологъ, покойный графъ *А. С. Уваровъ* сообщил профессору *Корсакову* слѣдующее самонаблюденіе: однажды во время раскопокъ на югѣ Россіи онъ открылъ остатки портика, на фронтонѣ котораго уцѣлѣла только часть какой-то греческой надписи. Такъ какъ отбитою оказалась вся середина послѣдней, то предстояло угадать, какія именно слова были начертаны. Это *Уварову* никакъ не удавалось. Утомленный безплодными усиліями, онъ заснулъ и во снѣ увидѣлъ интересовавшія его ворота, къ которымъ были придѣланы недостающія части, такъ что графъ могъ легко прочесть всю надпись. Подъ вліяніемъ яркаго сновидѣнія онъ проснулся, записалъ эту надпись и потомъ, къ сво-

ему крайнему удивленію, убѣдился, что только одни прочитанныя имъ во снѣ слова и могли быть на воротахъ; никакого другого варіанта нельзя было придумать.

Подобныхъ фактовъ я могъ бы привести еще довольно много; въ общемъ они встрѣчаются чаще всего у субъектовъ впечатлительныхъ, нервныхъ и вдобавокъ утомившихся напряженнымъ умственнымъ трудомъ. Обыкновенно однако между мышленіемъ спящаго и бодрствующаго нѣтъ такой тѣсной связи. Видимая связь можетъ отсутствовать даже и между идеями, послѣдовательно возникающими во снѣ. Никакая несообразность, никакое нарушеніе основныхъ законовъ логики насъ тогда не удивляетъ. „Вѣроятности времени, мѣста, факты насилуются, говоритъ *Карпентэръ* ¹⁾, умершіе проходятъ передъ нами, и мы думаемъ, что они живы; мудрецы древности бесѣдуютъ съ нами; наши далекіе друзья являются на сцену или мы переносимся къ нимъ, совершенно забывая о раздѣляющемъ насъ пространствѣ. Обстоятельства, которыя въ состояніи бодрствованія вызвали бы у насъ сильнѣйшія душевныя движенія, созерцаются нами, не вызывая ни горестныхъ, ни радостныхъ ощущеній. *Маудсли* говоритъ ²⁾: не будетъ большого преувеличенія; если мы скажемъ, что драматическая способность даже невѣжественнаго человѣка во время сна превышаетъ драматическую способность писателя съ самымъ пылкимъ воображеніемъ во время бодрствованія. Обращая вниманіе на необыкновенное созиданіе сновидѣній, мы видимъ, что самый не далекій и не обладающій воображеніемъ человѣкъ часто строить сцены, создаетъ характеры и располагаетъ событія съ замѣчательной силой концепціи, отчетливостью контуровъ и точностью подробностей, влагая въ уста своихъ дѣйствующихъ лицъ разговоры, соответствующіе ихъ особымъ характерамъ“.

¹⁾ Основанія физиологіи ума т. II.

²⁾ Сонъ и сновидѣніе. 1895г.

Каждый на основаніи личнаго опыта, конечно, легко можетъ убѣдиться, какъ неизмѣримо богата и какъ безгранично разнообразна фантазія спящаго человѣка. Здѣсь естественно является вопросъ, откуда же почерпаетъ матеріаль эта фантазія, другими словами, чѣмъ опредѣляется содержаніе нашихъ сновъ? Клиническое наблюденіе прежде всего свидѣтельствуетъ, что сновидѣнія отражаютъ на себѣ личныя свойства человѣка и его предшествовавшій жизненный опытъ. Наши сны напоминали бы сны новорожденнаго, если бы мы не имѣли извѣстнаго умственаго опыта.

Этотъ опытъ даетъ намъ матеріаль, элементы, изъ которыхъ во снѣ мы создаемъ новыя формы, новыя комбинаціи. Доказательства только что сказаннаго встрѣчаются буквально на каждомъ шагу. *Дарвинъ* наблюдалъ одного господина, который, будучи въ теченіи 30 лѣтъ глухимъ, могъ вести разговоръ только посредствомъ письма или ручной азбуки. Этотъ господинъ увѣрялъ, что онъ и во снѣ видитъ людей разговаривающихъ съ нимъ исключительно такимъ же путемъ. Я знаю человѣка, ослѣпшаго въ дѣтскіе годы, и онъ говорилъ мнѣ, что въ его сновидѣніяхъ слуховыя, вкусовыя и осязательныя представленія рѣзко преобладаютъ надъ зрительными. У зрячихъ людей мы имѣемъ совершенно обратное. Такимъ образомъ въ сновидѣніяхъ отражается наша обыденная жизнь. Этимъ однако я совсѣмъ не хочу сказать, что въ сознаніи спящаго возникаютъ только тѣ образы, которые уже появлялись въ состояніи бодрствованія. Совсѣмъ нѣтъ! Сырой матеріаль, какимъ располагаетъ спящій, несравненно богаче. Въ будничной жизни органы нашихъ чувствъ постоянно получаютъ такія раздраженія, которыхъ мы не сознаемъ до тѣхъ поръ, пока не обратимъ на нихъ особеннаго вниманія. Трудно отдать себѣ отчетъ въ той массѣ потенциальнаго знанія, которое заключается въ этихъ невоспринятыхъ впечатлѣніяхъ и въ томъ матеріалѣ для составленія нашихъ понятій, который безслѣдно проходитъ мимо насъ. Вотъ это то потенциальное

знаніе и оживаетъ во время сна; оно вторгается тогда въ поле сознанія и вступаетъ съ имѣющимся тутъ образами въ самыя причудливыя комбинаціи. *Карпентеръ* рассказываетъ, что одинъ выдающійся юристъ, участвуя однажды въ разборѣ какого-то дѣла на сѣверѣ Англїи, ночеваль въ домѣ одной изъ сторонъ и всю ночь видѣлъ во снѣ, какъ по немъ ползали ящерицы. Онъ не могъ понять, что вызвало эти образы, пока прїидя въ комнату, гдѣ провелъ ночь, не замѣтилъ, что подставка бывшихъ тамъ каминныхъ часовъ украшена ползающими ящерицами. Конечно, онъ видѣлъ ихъ и раньше, но не сознавалъ, а между тѣмъ зрительныя впечатлѣнія оставили слѣдъ въ его психическомъ органѣ и этотъ слѣдъ выплылъ въ сознаніи во время сна.

Во снѣ, какъ извѣстно, нѣкоторые изъ нашихъ органовъ высшихъ чувствъ могутъ совсѣмъ не прекращать своей дѣятельности. Спящій иногда воспринимаетъ поэтому различныя раздраженія кожи, слуха, обонянія, которыя могутъ вліять на характеръ возникающихъ сновидѣній. *Maury* въ своемъ замѣчательномъ трактатѣ „*Le sommeil et les rêves*“ описываетъ между прочимъ рядъ разнообразныхъ опытовъ, какіе онъ производилъ самъ надъ собою. Засыпая, онъ поручалъ кому-нибудь сидѣть около себя для того, чтобы производить различныя раздраженія его органовъ чувствъ и вслѣдъ затѣмъ немедленно будить. Когда ему щекотали лицо, ему снилось, что накладываютъ липкій пластырь. Когда щипали затылокъ,—онъ видѣлъ во снѣ, что ему ставили мушку и что тутъ его докторъ.

Докторъ *Gregory* рассказываетъ, что, когда онъ заснулъ съ горячей бутылкой въ ногахъ, ему снилось, будто-бы онъ стоитъ на Везувїи.

Я не буду приводить болѣе примѣровъ, доказывающихъ высказанное мною положеніе: каждый изъ присутствующихъ, конечно, припомнитъ подобные факты изъ собственной жизни. Но мнѣ необходимо подробнѣе остановиться на другомъ источ-

нигѣ, изъ котораго наши сновидѣнія могутъ почерпать свой матеріалъ. Я разумѣю здѣсь тѣ раздраженія, которыя спящее сознание получаетъ со стороны внутреннихъ органовъ. Каждый здоровый не спящій человѣкъ обыкновенно не воспринимаетъ ощущеній со стороны этихъ органовъ въ отдѣльности; однако сумма ихъ для нашего сознанія не пропадаетъ безслѣдно; она образуетъ собою то, что мы называемъ общимъ чувствомъ. Отъ этого чувства всецѣло зависитъ наше строеніе. У спящаго, у котораго отсутствуетъ контроль воли, раздраженія, вызываемыя отдѣльными органами, могутъ выступать въ сознаніи гораздо рельефнѣе, яснѣе, особенно въ тѣхъ случаяхъ, если почему—нибудь эти раздраженія носятъ ненормальный характеръ. Каждому извѣстны тяжелыя непріятныя сновидѣнія, которыя имѣетъ человѣкъ, заснувшій съ переполненнымъ желудкомъ. Слегка стѣсненная дѣятельность легкихъ, незначительная неправильность движеній сердца уже достаточны, чтобы ярко отразиться на содержаніи сновъ. Мы знаемъ много примѣровъ, показывающихъ, что за нѣкоторое время до наступленія различныхъ заболѣваній человѣка начинаютъ мучить характерныя сновидѣнія. *Винцловъ* рассказываетъ, что одинъ больной за двѣ недѣли до апоплектического удара видѣлъ рядъ ужасныхъ сновидѣній; между прочимъ ему снилось, что индѣйцы сдираютъ съ его черепа кожу. Другому больному за нѣсколько дней до развитія остраго воспаления плевры постоянно снилось, что на него нападаютъ разбойники и колютъ его ножомъ какъ разъ въ то мѣсто, гдѣ потомъ развился воспалительный процессъ. Я не хочу слишкомъ растягивать свою рѣчь и потому ограничусь приведенными примѣрами: они съ достаточной убѣдительностью говорятъ, что часто ничтожныя раздраженія со стороны внутреннихъ органовъ въ бодрствующемъ состояніи совсѣмъ не доходятъ до нашего сознанія, но легко появляются въ немъ во время сна. Дѣйствительно, фактамъ вродѣ тѣхъ, которые приведены выше, мы можемъ дать лишь одно объясненіе: па-

тологическій процессъ въ самомъ началѣ своего возникновенія обыкновенно даетъ себя знать очень слабыми раздраженіями и они совершенно ускользаютъ отъ вниманія человѣка, умъ котораго всецѣло поглощенъ будничной работой. Во время сна условія рѣзко мѣняются: волевого контроля нѣтъ, и начинающіеся страданіе, аллегоризируясь, является источникомъ сновидѣнія ¹⁾.

* *
*

Мы познакомились съ главнѣйшими источниками, откуда спящій почерпаетъ матеріалъ для своихъ сновидѣній: опытъ прошлаго въ широкомъ смыслѣ слова, раздраженія, получаемыя во время сна—все это, рѣзко окрашенное индивидуальными свойствами ума и характера—вотъ что фигурируетъ въ сознаніи спящаго, принимая то правдоподобныя, то крайне фантастическія очертанія. Теперь является вопросъ, какимъ же образомъ изъ этого матеріала могутъ создаваться картины событій, только лишь имѣющихъ совершиться? Или быть можетъ вѣщіе сны черпаютъ свой матеріалъ изъ другихъ источниковъ? Прежде чѣмъ высказать свое мнѣніе я долженъ добавить къ всему изложенному выше еще нѣсколько словъ о лицахъ, которыя чаще всего имѣютъ вѣщіе сны и объ условіяхъ, при которыхъ послѣдніе обыкновенно наблюдаются. Пророческія сны, видимо, особенно часты у женщинъ, т. е. у субъектовъ, которыя обладаютъ болѣе впечатлительной психо-нервной организаціей. Насколько позволяютъ судить мои наблюденія, у такихъ лицъ нерѣдко при изслѣдованіи можно отыскать болѣе или менѣе ясныя слѣды невроза. Я не буду останавливаться здѣсь на клинической характеристикѣ истеричныхъ; это завело бы меня слишкомъ далеко. Скажу только, что одну изъ видныхъ особенностей истеричныхъ составляетъ крайняя ги-

¹⁾ Эта сторона вопроса подробно разработана въ статьѣ д-ра Догмана «Сновидѣнія и значеніе ихъ, какъ предвѣстниковъ болѣзней» Казань 1890 г.

перестазія, т. е. усиленная чуткость органовъ высшихъ чувствъ. Я знаю примѣры, когда истеричныя слышали шаги близкаго человѣка на очень большомъ разстояніи, и это въ шумномъ городѣ, бойкая жизнь котораго, казалось, сглаживала всѣ отдѣльныя слуховыя впечатлѣнія. Я знаю истеричныхъ, которыя не выносили запаха духовъ и безъ труда отрывали ихъ присутствіе въ другомъ концѣ большой квартиры, хотя они находились тамъ въ герметически закупоренной стѣлянкѣ. При подобныхъ условіяхъ вполне понятно, почему истеричные субъекты обладаютъ несравненно большимъ количествомъ фактическаго матеріала, сохраняющагося внѣ границъ сознанія, чѣмъ лица совершенно здоровыя. Что касается условій, при которыхъ возникаютъ вѣщіе сны, то чаще всего послѣдніе наблюдаются у людей, которые ожидаютъ какихъ-нибудь важныхъ событій, когда они далеко не спокойны, когда слѣдовательно, впечатлительность психическаго органа достигаетъ большихъ противъ обычнаго размѣровъ.

Ограничившись этими немногими замѣчаніями, я и перейду теперь къ объясненію генезиса вѣщихъ сновъ.

* *

Анализируя содержанія вѣщихъ сновъ и сопоставляя результаты этого анализа съ условіями ихъ возникновенія, можно думать, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ они черпаютъ свой матеріалъ изъ раздраженій, испытываемыхъ органами чувствъ спящаго человѣка. Вначалѣ нашей бесѣды я привелъ сонъ г-жи *Слименъ*, которую всю ночь преслѣдовали мертвецы и подъ палаткой которой оказались зарытыми нѣсколько труповъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что причиной сновидѣнія здѣсь явился трупный запахъ.

Этотъ запахъ былъ такъ слабъ, что днемъ совершенно не замѣчался, во время же сна, когда прекратилась дѣятельность воли, уже незначительнаго раздраженія было достаточно,

чтобы вызвать соответствующее представленіе. Существует много разказовъ о томъ, какъ сонныя грезы раскрывали страшныя, кровавыя преступленія. По всей вѣроятности часть этихъ сновъ имѣетъ подобное же объясненіе.

Такимъ образомъ извѣстная категорія вѣщихъ сновъ черпаютъ свой матеріалъ изъ раздраженій, получаемыхъ спящимъ человѣкомъ, т. е. изъ того же источника, изъ котораго заимствуютъ его и обыкновенныя сновидѣнія.

Въ другой категоріи пророческихъ сновъ, повидимому, мы имѣемъ дѣло съ бессознательной работой памяти. Изъ тѣхъ впечатлѣній, которыя нашъ мозгъ въ такомъ изобиліи получаетъ днемъ, лишь незначительная часть проникаетъ за предѣлы сознанія; громадное большинство, какъ я уже сказалъ, остается ниже его порога, но и оно не пропадаетъ для насъ безслѣдно; психическій органъ хранить ихъ слѣды, и съ теченіемъ времени послѣдніе могутъ появляться въ сознаніи въ видѣ извѣстныхъ представленій, которыя иногда удивляютъ самого человѣка, ни мало не подозрѣвавшаго, что онъ обладаетъ подобнымъ богатствомъ. Извѣстенъ разказъ о служанкѣ пастора, которая, заболѣвъ тифомъ, въ бреду читала наизусть по-латынѣ цѣлыя страницы изъ библіи. Разспросы выяснили, что она обыкновенно ложилась спать въ то самое время, когда за тонкой стѣной пасторъ читалъ вслухъ латинскую библію. Неграмотная женщина, конечно, не обращала никакого вниманія на непонятный ей языкъ, но тѣмъ не менѣе слуховыя впечатлѣнія въ ея мозгу оставили рѣзкій слѣдъ, который и выплылъ наружу во время болѣзни.

Съ совершенно аналогичнымъ фактомъ мы иногда встрѣчаемся при анализѣ сновидѣній. *Mauru*, въ цитированномъ выше трактатѣ, разказываетъ слѣдующее самонаблюденіе. Однажды во снѣ онъ увидалъ своего пріятеля, который уже давно умеръ. Удивленный такой встрѣчей, *Mauru* спросилъ, откуда онъ пришелъ? Тотъ отвѣтилъ „изъ города *Mussdan*.“ —Гдѣ же этотъ городъ, спрашиваетъ *Mauru*?— „Въ департа-

ментъ Dordogne," отвѣтилъ собесѣдникъ. Проснувшись, *Maury* припомнилъ этотъ сонъ и убѣдился, что онъ не знаетъ на самомъ дѣлѣ, гдѣ именно находится городъ Mussdan. За справками онъ обратился къ географическому словарю и, къ крайнему изумленію своему, увидѣлъ, что его почной собесѣдникъ былъ совершенно правъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что *Maury* когда-то имѣлъ географическія свѣдѣнія, о которыхъ идетъ рѣчь, но такъ основательно ихъ позабылъ, что никакъ не могъ припомнить въ бодрствующемъ состояніи. Во снѣ однако эти свѣдѣнія появились въ сознаниі съ совершенной отчетливостью.

Очень нерѣдко содержаніемъ вѣщаго сна является открытіе какъ бы новаго факта и, проснувшись, человекъ убѣждается въ томъ, что этотъ фактъ дѣйствительно имѣетъ мѣсто. *Н. И. Гречъ* рассказываетъ, что его мать неоднократно видѣла вѣщіе сны. Какъ примѣръ онъ приводитъ слѣдующій случай. Возвратившись однажды осенью съ дачи въ городъ она спросила у горничной свои теплые башмаки. Та позабыла, гдѣ ихъ уложила, и требуемую обувь никакъ не могла отыскать. Черезъ нѣсколько дней послѣ этого г-жа *Гречъ* заснула послѣ обѣда и видитъ во снѣ, будто она подходитъ къ шкапу, стоявшему въ ея комнатѣ, открываетъ его, находитъ тамъ корзину, наполненную всякими вещами, вынимаетъ послѣднія и на самомъ днѣ корзины отыскиваетъ свои теплые башмаки. Проснувшись, она замѣтила, что въ комнатѣ сидитъ ея дочь. Не желая показаться смѣшной, она выждала пока осталась одна, затѣмъ открыла шкафъ, дѣйствительно увидела тамъ корзину, наполненную различными старыми вещами, а подъ ними свои башмаки.

По всей вѣроятности г-жа *Гречъ* видѣла, какъ горничная укладывала ея вещи, а между ними и башмаки, но не обратила на это никакого вниманія и вскорѣ совершенно забыла. Когда же она стала потомъ разыскивать обувь и задавала себѣ вопросъ, гдѣ она можетъ находиться, сознательное

усиліе дало толчокъ безсознательной работѣ и результатомъ послѣдней во снѣ явились образы, совершенно точно воспроизводившіе дѣйствительность.

Но гораздо чаще содержаніе вѣщаго сна составляетъ фактъ, котораго еще не было, который только имѣетъ совершиться. Обыкновенно этотъ фактъ играетъ видную роль въ жизни даннаго субъекта, обыкновенно послѣдній думаетъ о немъ болѣе или менѣе продолжительное время, беспокоится и вотъ при этихъ то условіяхъ является вѣщій сонъ, который вполнѣ точно предугадываетъ сущность событія, самый его характеръ, и лишь детали могутъ расходиться съ дѣйствительностью. Въ подобныхъ случаяхъ, конечно, нельзя думать о безсознательной памяти, о раздраженіяхъ испытываемыхъ спящимъ человѣкомъ. Однако и тутъ, собственно говоря, мы можемъ имѣть дѣло съ опытомъ прошлаго. Человѣкъ, волнуясь предстоящимъ событіемъ, не въ состояніи предугадать, въ какомъ видѣ оно совершится.

Тѣ данныя, которыми онъ обладаетъ, для этого совершенно недостаточны. Но мы знаемъ, что кромѣ сознательно воспринимаемыхъ впечатлѣній и на ряду съ ними существуютъ еще другія, которыя по своей неясности, ничтожности не проникаютъ въ поле сознанія; тѣмъ не менѣе, комбинируясь, они могутъ довольно вѣрно опредѣлить, какъ ходъ дѣла, такъ и результаты. Эти впечатлѣнія затушевываются ежедневной сознательной работой, во время же сна, когда толчокъ къ дѣятельности въ определенномъ направленіи данъ уже днемъ, они выплываютъ въ сознаніи и мы получаемъ вѣщій сонъ.

Здѣсь, слѣдовательно существуетъ тѣсная аналогія съ возникновеніемъ, повидимому, ничѣмъ не вызванныхъ симпатій и антипатій, которыя нерѣдко наблюдаются у нервныхъ субъектовъ и о которыхъ мы говорили выше. Какъ примѣръ такого рода сновъ можно назвать сновидѣніе г-жи К, приведенное въ началѣ моей рѣчи.

Большая любительница коровъ, она, конечно была огорчена тѣмъ, что лишилась возможности купить теленка. Хотя она знала г. П., но слишкомъ недостаточно, чтобы рѣшить вопросъ, исполнить онъ ея просьбу или нѣтъ. Подъ впечатлѣніемъ такихъ мыслей она заснула, а психическій органъ во снѣ продолжалъ свою работу. Но тутъ въ его распоряженіи оказался болѣе обширный матеріаль—тѣ безсознательно воспринятая впечатлѣнія, которыя и дали основаніе рѣшить, что г. П. не согласится на продажу. На яву этотъ фактъ подтвердился: безсознательно выработанное представленіе о характерѣ г. П. оказалось болѣе точнымъ, чѣмъ сознательное.

Выше я разказалъ также сонъ *Кошелева*. Судебное дѣло, которое онъ велъ, въ случаѣ потери грозило ему раззореніемъ. Само собою понятно, что онъ не могъ не думать о немъ, не могъ не волноваться. Разумѣется, онъ собиралъ всѣ свѣдѣнія, какія только могъ получить, чтобы предугадать исходъ процесса. Однако, у него не было никакихъ сознательныхъ основаній думать, что дѣло назначится скоро въ слушанію и потому онъ не спѣшилъ съ поѣздкой. Тѣмъ не менѣе какія то ничтожныя обстоятельства вызвали у него сомнѣнія; эти сомнѣнія были слишкомъ незначительны, чтобы оказать вліяніе на сознательную умственную работу ночью же они вылились въ рельефный сонъ. Такимъ образомъ въ обоихъ случаяхъ дѣло идетъ о безсознательно воспринятыхъ впечатлѣніяхъ.

Но существуютъ вѣще сны, которые, очевидно, не поддаются и такому объясненію. Иногда, напримѣръ, спящій видитъ во снѣ какого-нибудь человѣка; чаще всего умершаго родственника и явившійся предсказываетъ точно день его кончины. Здѣсь ни сознательный, ни безсознательный опытъ прошлаго не могутъ имѣть никакого значенія и все дѣло, по крайней мѣрѣ по отношенію къ нѣкоторымъ случаямъ, можетъ быть сведено на самовнушеніе. Состояніе сна клинически во многомъ напоминаетъ состояніе гипноза; нѣкоторые изслѣдо-

ватели ихъ даже безусловно отождествляли. Но мы знаемъ, что въ гипнозѣ человѣкъ очень легко поддается внушенію: онъ не только всецѣло подчиняется волѣ гипнотизера во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ и поступкахъ, но подъ влияніемъ внушенія могутъ мѣняться даже физическія отправленія организма. Извѣстны случаи, когда благодаря соотвѣтствующему внушенію подвергалась опасности самая жизнь загнипнотизированнаго. Сонъ въ этомъ отношеніи представляетъ большое сходство съ гипнозомъ. Можно спящому подсказывать его сны, можно внушать ему тѣ или инныя картины, вототрыя сейчасъ-же появляются въ сновидѣніяхъ. Но что можетъ дѣлать посторонній человѣкъ, то иногда бываетъ въ состояніи сдѣлать и самъ спящій, особенно если это человѣкъ нервный крайне впечатлительный. Нѣкоторые сны, чаще всего относящіеся къ такому моменту, какъ смерть, иногда производятъ глубокое впечатлѣніе, остающееся на долгое время. *Князь Василій Владиміровичъ Долгорукій* и *Степанъ Степановичъ Апраксинъ* были очень дружны между собою. Когда князь скончался, *Апраксинъ* горько плакалъ и въ первую же ночь увидѣлъ во снѣ покойнаго, который сообщилъ, что снова явится ему во снѣ за три дня до его смерти. Послѣ этого *Апраксинъ* прожилъ сорокъ съ лишнимъ лѣтъ, но за три дня до кончины, дѣйствительно, увидѣлъ *Долгорукаго*.

Одинъ изъ нашихъ выдающихся дѣятелей прошлаго столѣтія незадолго до смерти увидѣлъ во снѣ своего отца, который сказалъ: „берегись 19 числа“. Этотъ сонъ произвелъ на спящаго потрясающее впечатлѣніе и онъ на другой же день рассказалъ его своимъ близкимъ, прибавивъ, что непременно умретъ 19-го числа. Каждое 19-ое число послѣ этого онъ готовился къ смерти и черезъ 2 съ лишнимъ мѣсяца, дѣйствительно умеръ 19-го числа.

Въ обоихъ только что приведенныхъ примѣрахъ сонъ оказалъ на видѣвшихъ его крайне рѣзкое влияніе, но, конечно, самъ по себѣ не обусловилъ смерти. Смертныи часъ насту-

пилъ вслѣдствіе того или иного болѣзненнаго состоянія, точное же совпаденіе его съ указаннымъ во снѣ можетъ быть объясняемо самовнушеніемъ, которое подѣйствовало на уже распатанный организмъ.

Мм. Г-ни и Г-ри! Я близокъ къ концу своей рѣчи, но очень далека отъ мысли, что вполне исчерпалъ поставленный себѣ вопросъ. Вѣщій сонъ — явленіе въ высокой степени сложное и мнѣ хотѣлось только показать, какое участіе въ его возникновеніи принимаетъ бессознательная умственная дѣятельность. Эта дѣятельность изучена еще очень мало, а между тѣмъ не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что только основательное знакомство съ ней можетъ пролить свѣтъ на многія доселѣ темныя стороны жизни какъ отдѣльныхъ лицъ, такъ и цѣлыхъ народовъ.